

2.1. ЛИХАЧЕВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Анализ трудов Дмитрия Сергеевича в широком контексте гуманитарных наук, в особенности в период, завершающий научную биографию, позволяет нам в настоящее время говорить **о понимании Лихачевым истории человечества как, в первую очередь, истории культуры**. Именно культура, по глубокому убеждению ученого, составляет главный смысл и главную ценность существования человечества¹. В этом плане характерно выступление Д. С. Лихачева на заседании президиума Российского фонда культуры в 1992 году: «Культуре принадлежит первенствующее место в жизни народа и государства»². И смысл жизни на индивидуальном, личностном уровне, по Лихачеву, также обретается в культурном контексте человеческой деятельности.

Научные труды академика Лихачева в совокупности выражают **целостную, глубоко осмысленную и прочувствованную историческую концепцию**.

Безусловно, **взгляд Лихачева на мир — это во многом взгляд историка**. Любое явление, привлекающее его внимание, рассматривается и анализируется сквозь призму времени как явление историческое, в контексте живого дыхания той или иной эпохи, в системе исторических взаимосвязей.

Показательно, что В. П. Адрианова-Перетц, характеризуя вхождение Д. С. Лихачева в 1940-е годы в пору научной зрелости, пишет о ярко выраженном историческом характере его деятельности: «К исследованию древнерусского летописания Д. С. был подготовлен серьезным критическим изучением... работ академика А. А. Шахматова. ...Предстояло существенно углубить “исторический метод” А. А. Шахматова... На очереди оказалась и большая историко-литературная проблема: стиль летописания представлялся А. А. Шахматову неизменным на всех этапах истории»³.

Историческое видение предметов исследования пронизывает докторскую диссертацию Д. С. Лихачева, опубликованную в 1947 году с сокращениями — в виде книги «Русские летописи и их культурно-историческое значение»⁴. Текстологическая работа неизменно сочетается у ученого с «широкими историческими обобщениями»⁵. Расширяя и углубляя исторический подход к изучению литературы, Д. С. Лихачев делает его одним из фундаментальных элементов своей литературоведческой методики, наиболее обстоятельно и ярко изложенной в 1962 году в книге «Текстология». Приведем всего лишь один фрагмент: «изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на всем его протяжении, пока только изменялся текст памятника»⁶.

Нетрудно заметить, что в процессе научной деятельности поле зрения Лихачева-историка неуклонно расширяется, а затем и меняется. Характеризуя влияние Д. С. Лихачева на своих аспирантов в конце 1940-х — начале 1950-х годов, В. П. Адрианова-Перетц говорит уже о четко выраженном **историческом подходе к изучению культуры**⁷.

Историзм Д. С. Лихачева многопланов. Во-первых, представляется возможным говорить об историзме на уровне осмысления ученым различных конкретных явлений жизни. Во-вторых, ученый выступает автором собственной концепции истории России

¹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 388–397.

² Лихачев Д. С. Язык указов мне глубоко чужд // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 97.

³ Адрианова-Перетц В. П. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд. М., 1989. С. 12 (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17).

⁴ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. (Переизд. 1966, 1986).

⁵ Адрианова-Перетц В. П. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности. С. 15.

⁶ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 23.

⁷ Там же. С. 24, 32.

как истории отечественной культуры. В-третьих, его работы содержат достаточно материала об общих закономерностях исторических процессов.

Лихачев-историк начинается с его публикаций о литературе. Практически в каждой своей работе он уже в первых строках, а иногда даже в наименовании⁸, дает читателю понять, что предметом его исследования является не просто то или иное явление, а его культурно-историческое измерение⁹. В результате деятельности ученого **междисциплинарные связи литературы и истории, интегрированные культурологией, поднимаются на качественно иной уровень.**

Разумеется, литература — свидетель истории. Но свидетель своеобразный, скорее, даже свидетель-соучастник. Литература в трудах Д. С. Лихачева предстает не только отражением, но и своеобразным проявлением действительности, и эта функция налагает на литературные произведения характерный отпечаток, определяет их национальный колорит. «Русская литература — часть русской истории, — писал Лихачев, — она отражает русскую действительность, но и составляет одну из ее важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую историю и, уж конечно, русскую культуру»¹⁰.

Данный подход ярко проявился в исследованиях академика, посвященных «Слову о полку Игореве». Уже в статье «Исторический и политический кругозор автора “Слова о полку Игореве”», вышедшей в свет в 1950 году, Д. С. Лихачев убедительно показал тесную связь образов «Слова» и исторических реалий того времени¹¹.

Памятники культуры, и в том числе литературные произведения, по мнению Лихачева, обладали большим влиянием на социум своего времени. Возражая исследователям, которые писали о бесперспективности призывов автора «Слова о полку Игореве» к объединению князей в эпоху феодальной раздробленности, ученый отмечал: «Однако подлинный смысл призыва автора “Слова”, может быть, заключался не в попытке организовать тот или иной поход, а в более широкой и смелой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеить в общественном мнении вредные феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести... Задачей “Слова” было не только военное, но и идейное сплочение русских людей»¹². Эта мысль о том, что «идейное сплочение» даже в глубокой древности играло отнюдь не меньшую роль, чем военные или политические мероприятия, неоднократно высказывалась Лихачевым и в дальнейшем.

По мере исследований литературы академик Лихачев все чаще приходит к выводам, выходящим за границы собственно литературоведения. К примеру, анализ влияния на литературу устного народного творчества, состояния народной памяти позволяет ему заключить: «Народ в XII в. знал русскую историю, интересовался ею и, следовательно, жил не бездумно и не бездумно участвовал в политических событиях»¹³.

Однако **литература не только свидетель и участник истории.** Под влиянием Д. С. Лихачева летописи начинают «прочитываться» по-иному, и их значение для исторической науки становится более многомерным. Следует признать, что до Лихачева вымысел и художественность значительно снижали в глазах историков ценность литературных

⁸ Характерно, что в названиях многих книг Дмитрий Сергеевич включает понятие «культура»: «Культура Руси эпохи образования Русского национального государства»; «Русские летописи и их культурно-историческое значение»; «Культура русского народа X–XVII вв.»; «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.)»; «“Слово о полку Игореве” и культура его времени».

⁹ *Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1990/2000. Vol. 6. № 1. P. 146.*

¹⁰ *Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб., 1998. С. 10.*

¹¹ *Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950.*

¹² *Лихачев Д. С. Исторические и политические представления автора «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1985. С. 144.*

¹³ *Лихачев Д. С. К вопросу о «Слове о полку Игореве» как историческом источнике // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. С. 180.*

произведений как исторических источников. Для него же **вымысел и художественность сами по себе предстают историческими фактами.**

Особая субъективная включенность литературных памятников в культурно-исторический контекст эпохи делает их, по мнению Дмитрия Сергеевича, и особым историческим источником. Субъективный характер авторских оценок и суждений в глазах ученого только усиливает привлекательность источника для истинного исследователя. «Ни одно произведение прежних веков, — писал Лихачев, — не может быть объявлено “плохим историческим источником”. Нет плохих исторических источников, есть только плохие источниковеды»¹⁴. Детализируя это положение, он отмечал: «Само произведение — “осколок” прошлого и в качестве такового является свидетельством ошибочных или недостаточных представлений, существовавших о прошлом, памятником общественной мысли прошлого, свидетельством об эстетическом уровне прошлого и т. д.»¹⁵.

Применительно к «Слову о полку Игореве» Д. С. Лихачев писал еще более полемично, даже резко: «Если “Слово” — “сплошное вранье”, то и это, как ни парадоксально это звучит, представляет собой источник чрезвычайного значения: “вранье” — свидетельство психологии своего времени... (ибо в каждом обмане есть своя тенденция: общественная или просто эстетическая)»¹⁶. Конечно, сам Д. С. Лихачев «Слово о полку Игореве» «враньем» не считал и, напротив, вел довольно жесткую полемику с теми, кто доказывал более позднее происхождение «Слова...». Но и будучи отделенной от полемического контекста, данная фраза имеет вполне самостоятельный глубокий смысл, звучит весьма актуально и сегодня. Ведь некоторые исследователи по-прежнему явно недооценивают роль художественных произведений в качестве исторического источника, ставят их неизмеримо ниже, скажем, деловой переписки. Им-то и адресовано четкое определение Д. С. Лихачева: «степень... точности... *никогда* не является безусловной»¹⁷. Из этого вытекает, что сами условия, факторы, обуславливающие точность, должны быть включены в контекст исторического исследования.

Следует особо отметить, что наиболее ценной в памятниках литературы, шире — культуры, для ученого является созидательная сила человеческого таланта. В различных его трудах настойчиво звучит мысль о том, что успешное развитие общества и отдельной личности возможно только на основе культуры.

Можно сказать, что ученый предлагает **культуроцентричную концепцию истории.** Для него неприемлема логика, по которой до сих пор строятся многие школьные и вузовские учебники: сначала очень подробно излагаются экономика и политика, а потом, в конце раздела, между прочим, — культура того или иного исторического периода, да еще поданная как сухой перечень отдельных достижений в области науки и искусства. Именно против такого подхода выступал Д. С. Лихачев, сурово критикуя вульгаризированные формы марксистской теории исторического процесса как «приносящие окружающее общество, подчиняющие его грубым материальным законам, убивающим нравственность...»¹⁸.

Для Д. С. Лихачева исследование культуры означало, по всей видимости, исследование тех связей, того «внутреннего стержня», который создает структуру общества, направляет в значительной мере ход истории. В статье «Русская культура в современном мире» он отмечал: «Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической миссии России. В этом понятии исторической миссии нет ничего мистического. Миссия России определяется ее положением среди других народов тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности.

¹⁴ Там же. С. 176.

¹⁵ Там же. С. 177.

¹⁶ Там же. С. 178–179.

¹⁷ Там же. С. 177.

¹⁸ Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. СПб., 1997. С. 182.

Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом, прежде всего, культурным»¹⁹.

Вместе с тем **история российской культуры в его понимании — это история европейская.**

Анализируя многонациональный характер древнерусской культуры на примере литературы, Дмитрий Сергеевич писал о ее тесной связи с культурой западных и южных славян, византийской культурой. Он отстаивал тезис о европейском характере древнерусской литературы: «Литература, общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере по происхождению... Это была литература, близкая византийской культуре, которую только по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно относить к Востоку, а не к Европе»²⁰.

В монографии «Развитие русской литературы X–XVII веков» Лихачев приходит к выводу, что наиболее сильное культурное воздействие оказывали на Русь не азиатские страны, а Византия и Скандинавия. Однако по характеру их влияние было неодинаковым. По мнению ученого, «византийское влияние поднималось до сравнительно совершенных форм общения высокоразвитых духовных культур»²¹. На Русь проникали из Византии литературные и иконописные традиции, политическая и естественно-научная мысль, богословие и т. д. Влияние Скандинавии было другим и сказывалось, прежде всего, на военном деле, государственной организации, экономике²². Но даже в этих областях оно являлось более поверхностным и неопределенным, чем византийское.

При этом, рассматривая Россию в мощном потоке мирового процесса развития цивилизаций, **Лихачев неизменно отрицает любую попытку говорить о русско-славянской исключительности.** Четко определяя суть русской национальной самобытности, ученый считает, что наши национальные черты, особенности и традиции сложились под влиянием самых широких культурных комплексов.

Проследивая генезис культуры Древней Руси, Дмитрий Сергеевич как особо важное отмечает приобщение славян к христианству. Не отрицая татаро-монгольского влияния, Лихачев тем не менее характеризует его как чуждое, в целом отвергнутое. Русь восприняла нашествие как катастрофу, как «вторжение потусторонних сил, нечто невиданное и непонятное»²³. Более того, длительный период после освобождения от татаро-монголов развитие русского этноса происходило под знаком преодоления «темных веков... ига»²⁴ чуждой культуры.

В более масштабном контексте генезис славянской культуры следует рассматривать во взаимосвязи с греко-византийским культурным комплексом. В ряде своих трудов академик весьма убедительно, на конкретных и впечатляющих примерах показывает, как осуществлялось это взаимное влияние, утверждая, что оно соответствовало глубинным потребностям развития русской культуры. В момент своего становления на общенациональном уровне (XIV–XV вв.) русская культура несет в себе, с одной стороны, черты уравновешенной, уверенной в себе древней культуры, опирающейся на сложную культуру старого Киева и старого Владимира, с другой — в ней явственно сказывается органическая связь с культурой всего восточноевропейского Предвозрождения.

Несмотря на то, что развитие русской культуры в то время происходило преимущественно в религиозной оболочке, в высших своих проявлениях его памятники позволяют сегодня говорить о внимании к личности, человеческом достоинстве, высоком

¹⁹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 196.

²⁰ Лихачев Д. С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. СПб., 1997. С. 30–31.

²¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. С. 18.

²² Там же.

²³ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 88.

²⁴ Там же. С. 161.

гуманизме и других чертах, определяющих принадлежность Руси к еще более широкому — общеевропейскому культурному комплексу.

Наконец, самый широкий контекст, в котором Дмитрий Сергеевич рассматривает нашу культуру, — глобальный. Отправной точкой для анализа он избирает первое большое историческое сочинение XI века «Повесть временных лет»²⁵. Варяги на севере, греки на берегах Черного моря, хазары, среди которых были и христиане, и иудеи, и мусульмане; тесные отношения Руси с финно-угорскими и балтскими племенами — чудью, мерей, весью, ижорой, мордвой, коми-зырянами, ятвягами — и государство Русь, и его окружение с самого начала были многонациональными. Таким образом, самая характерная черта русской культуры, проходящая через всю ее тысячелетнюю историю, — вселенскость, универсализм.

Особое внимание Д. С. Лихачев уделяет узловым, переломным моментам в истории Отечества, к примеру — специфике XIV–XV веков, определяемой им, как уже выше отмечалось, понятием Предвозрождения. В своих трудах ученый показывает, как в это время происходит сложение русской национальной культуры: крепнет единство русского языка, литература подчиняется теме государственного строительства, архитектура все сильнее выражает национальное своеобразие, распространение исторических знаний и интерес к родной истории возрастают до широчайших размеров.

В общем потоке культурных трансформаций взгляд ученого особенно выделяет доминантой вопрос об историческом отборе и развитии всего самого лучшего. А лучшее для него — в значительной степени синоним гуманного. В отличие от биологического естественного отбора, отбор лучшего в культуре протекает совсем по иным законам — как неуклонное взращивание гуманизма, высокой Человечности, постепенно побеждающей дикое биологическое начало, прорастающей сквозь толщу веков. На каждом витке истории сила духа постепенно начинает доминировать над материальной вульгарностью бытия: «Вся мировая история... представляет собой развитие и углубление начал гуманизма человечности»²⁶. Конкретизируя эту мысль, Д. С. Лихачев пишет: «Развитие гуманизма проходит как бы некоторые стадии» от «открытия ценности целого класса, целого слоя общества к определению ценностей отдельной личности»²⁷. Размышляя в данном направлении, он предлагает признать в качестве главного двигателя истории индивидуальную волю свободной личности, волю человека-творца. Так, выступая в октябре 1998 года в нашей университетской дискуссии «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?», академик говорит: «Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как “Что ждет нас в будущем?”, не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали отклониться, в истории нет»²⁸.

Среди заметок Лихачева есть и такое суждение: «Человек, его личность — в центре изучения гуманитарных наук. Именно поэтому они и гуманитарные. Однако одна из главных гуманитарных наук — историческая наука — отошла от непосредственного изучения человека... В результате огромная нужда в появлении нового направления в исторической науке — истории человеческой личности»²⁹.

В связи с этим и отдельных исторических деятелей ученый оценивает не по успехам в войнах и захватах территорий, а по влиянию на развитие культуры. Так,

²⁵ Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996.

²⁶ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 72.

²⁷ Там же.

²⁸ Лихачев Д. С. Нас ждет то, что мы сделаем сами: дискус. «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?», октябрь 1998 г. Дворец Белосельских-Белозерских // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 70.

²⁹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 259.

оценка личности и деятельности Ивана Грозного носит негативный характер, несмотря на признание несомненных талантов царя, в том числе литературных: «Государство взяло на себя решение всех этических вопросов за своих граждан, казнило людей за отступление от этических норм всевозможного порядка. Возникла страшная этическая система Грозного... Грозный взял на себя невероятный груз ответственности. Он залил страну кровью во имя соблюдения этических норм или того, что ему казалось этическими нормами»³⁰. Именно политический террор Ивана Грозного, по убеждению Лихачева, способствовал подавлению личного начала в художественном творчестве и стал, в результате, одной из причин, воспрепятствовавших расцвету Возрождения в России.

Теми же критериями, хотя и с иным результатом, определяется оценка, которую Дмитрий Сергеевич дал эпохе и деятельности Петра I. Вопреки мнению многих мыслителей, от славянофилов до А. И. Солженицына, Лихачев вовсе не считал нововведения Петра пагубными и вредными для страны. Он указывает на появление в русской культуре первой четверти XVIII века множества новаторских динамичных элементов. Но академик решительно опровергает тезис о нарушении преемственности между культурой Петровской эпохи и древнерусской культурой. «Петровские реформы, — пишет Д. С. Лихачев, — были подготовлены не только явлениями XVII в. Эта эпоха явилась закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу Нового времени»³¹.

Личность самого царя-реформатора Лихачев трактует как типичного человека русского барокко. «От барокко, — отмечает исследователь, — в Петре были многие черты его характера: его склонность к учительству, его уверенность в своей правоте, его “богоборчество” и пародирование религии в сочетании с несомненной религиозностью, его доброта и жестокость и многие другие противоречия его натуры»³².

Несмотря на всю внешнюю резкость изменений, Петровская эпоха не была, по мнению Лихачева, деструктивной. Основные направления эволюции не изменились, изменился лишь ритм развития. **Петр привел Россию не из Азии в Европу, а из Средневековья в Новое время.** В целом ряде работ ученый показал необходимость и предсказуемость перемен, которые не были «европеизацией» в смысле привнесения на русскую почву чего-то чуждого, но, напротив, соответствовали внутреннему содержанию русской культуры.

Подчеркивая это положение, Дмитрий Сергеевич писал: «Чем больше мы изучаем изменения и развитие русской культуры в XIV–XVII вв., с одной стороны, и ее судьбу в Новое время в XVIII и XIX вв. — с другой, тем отчетливее цельность всего процесса. В этом цельном процессе эпоха Петровских реформ была эпохой “осознания” совершающегося и поэтому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры»³³.

Кстати, именно поэтому Д. С. Лихачев всегда с особым вниманием и любовью относился к синтетической культуре Петербурга, полной органических реминисценций и аллюзий.

Из работ академика следует, что гений Петра проявляется чуть ли не в первую очередь в радикальном и стремительном изменении общественного мнения. Лихачев полагает, что в основе действий Петра — не капризы и самодурство, и не проявление инстинкта подражания, а стремление ускорить происходящие перемены в культуре. Опираясь на историка Щербатова, он пишет, что без Петра на аналогичные реформы России понадобилось бы семь поколений. Однако реформы были закономерны и их ход был

³⁰ Лихачев Д. С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. С. 193.

³¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.

³² Там же. С. 169–170.

³³ Там же. С. 170.

подготовлен «всеми линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV в.»³⁴.

Отмечая преемственность в развитии русской культуры, опасность для этноса «культурных разломов», Д. С. Лихачев подчеркивал, что эффект «сравнения с землей», «разрушения до основания» по своей сути не может стать генератором новых ценностей. Вполне естественно, что осознание ученым определяющей роли культуры в самом существовании человеческого общества привело его к выводу об **особой исторической роли России**.

Дмитрий Сергеевич Лихачев создал подлинно **гуманистическую концепцию исторического развития**. В ее основу положены идеи о ведущей роли культуры для развития человечества и об особом значении для развития России интеллигенции как сообщества людей, «свободных в своих убеждениях»³⁵. Именно глубочайший гуманизм исторической концепции Д. С. Лихачева делает ее важной и перспективной в развитии современной науки.

³⁴ Там же.

³⁵ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Там же. С. 372.